

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Structure and change in Indian society. Chicago, 1968, 507 p.

Книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на специальной конференции, которая состоялась в июне 1965 г. и была посвящена проблемам изучения структуры индийского общества и происходящим в ней изменениям. Эта конференция, в которой приняло участие около 60 ученых — социологов и этнографов, была создана по инициативе Комитета по изучению Южной Азии Чикагского университета.

Американские этнографы пришли к выводу, что широкие исследования в области социальной антропологии Южной Азии начались только в 1950-х годах, и это начало ознаменовалось выходом в свет в 1952 г. монографического исследования индийского историка и этнографа М. Н. Шриниваса «Религия и общество кургов Южной Индии». Особенно много новых трудов по Южной Азии стало появляться в 1960-х годах.

Рассматриваемая книга — ценный вклад в изучение современного индийского общества. Вошедшие в нее материалы подчинены единой установке: рассматривать такие основные общественные ячейки, как большая, или объединенная, семья, каста или деревенская община, не как самостоятельно существующие единицы, а только в их взаимосвязи и в связи с жизнью индийского общества в целом. Особое внимание в книге уделено прослеживанию связей между определенными общественными группами в определенных географических областях. Подобный подход был характерен для книги «Village India» (вышедшей в 1955 г. в Чикаго), в которую вошли труды участников семинара по вопросам жизни индийской деревни, проводившегося в 1954 г. в Чикагском университете.

В рецензируемой книге отражен тот угол зрения, под которым американские социо-этнографы рассматривают сейчас жизнь индийского общества. Это прежде всего изучение влияния на общественную структуру таких факторов, как политика, экономика, законоуложение и т. п. Ряд участников конференции доказывает в своих трудах, что этнография именно в данном аспекте является наукой исторической, так как фиксирует и отражает исторические изменения, наступающие сейчас в общественной жизни и в общественных связях. Они пытаются определить законы и пути генерализации общественных явлений и выявить эти закономерности для ряда таких явлений на протяжении нескольких последних столетий.

Многих исследователей привлекают проблемы, связанные с кастовым строем, и особенно то, как влияют на кастовую структуру новые общественно-исторические институты и те политические и экономические изменения, которые наступили в Индии после освобождения от колониальной зависимости: 15 из 20 статей, вошедших в книгу, непосредственно посвящены вопросам кастовой системы и ее изменений, а в остальных статьях эти вопросы в той или иной мере тоже затрагиваются.

Уже во «Введении» подчеркивается, что изменения «структурного типа» не могут быть названы «линейными», т. е. происходящими непрерывно и во взаимной связи, но вместе с тем они все же происходят. Тут же предлагается два возможных объяснения этого развития путем неравномерных сдвигов: 1) в постепенном изменении структуры индийского общества отражается ограниченность самих процессов индустриализации, урбанизации и модернизации, 2) индийская цивилизация создала внутри самой себя некий адаптирующий механизм, который позволяет ей усваивать все новое — технику, идеи, людей — при крайне незначительных и постепенных смещениях старых норм собственного развития.

На деле этот «адаптирующий механизм» является порождением длительной исторической застойности общественных институтов феодализма, когда даже многие реформаторские явления в общественной жизни и идеологии постепенно вливались в традиционные руслу.

Оба упомянутых выше положения авторы относят не только к кастовой системе, но и к такому индийскому общественному институту, как большая семья. Подобно кастам, которые, изменяясь в новых условиях жизни, тут же порождают кастовые организации, борющиеся за сохранность касты и ее законов, большая семья разделяется на парные семьи и вместе с тем парные семьи иногда снова сливаются в большую семью.

Предметом дискуссии американских этнографов на протяжении ряда лет является методологический вопрос — опираться ли в своих работах на результаты массовых обследований и статистики или идти от частного к общему, выводя закономерности, характерные для всего развития общества в целом, путем тщательного изучения отдельных его социальных единиц, отдельных локальных групп. Последний метод широко принят в современной американской этнографии.

Статья Д. Мандельбаума «Семья, каста, деревня» в рецензируемой книге относится к публикации почти описательного характера. Она представляет интерес главным образом как информационный материал, сопровождаемый некоторыми выводами автора. Наиболее верно и интересно из них утверждение о том, что до сих пор семья играет в Индии огромную роль как в формировании самосознания, так и во всей жизни каждого своего члена, поддерживая его во взаимоотношениях с окружающими и получая его поддержку в случае любой необходимости. «Семейное самосознание»

выступает наряду с кастовым и не может быть от него отделено, так как индусская семья — это прежде всего часть какой-нибудь касты, ее первая и основная ячейка, главное звено внутрикастовых связей. Несмотря на то что в семьях бывают разлады, вне семьи человек выступает как ее представитель, и все члены семьи несут ответственность в случае нарушения им каких-либо статей закона или — что в Индии грает до сих пор очень существенную роль — каких-либо норм обычного права.

В ряде других статей подчеркивается неразрывность трехсторонних отношений по формуле «семья — каста — деревня». Эта основа производственных связей, подкрепляемая ритуальными и правовыми связями, сохранялась неизменной на протяжении многих столетий, не поддаваясь воздействию даже таких факторов, как государственная власть или смена правительств. Если войны или перемена самого статуса государства изменяли ход истории страны, отношения между людьми в деревне продолжали строиться на базе этой же неизменной формулы. Иногда слово «каста» в ней могло быть заменено словами «члены такой-то религиозной общины» (особенно в период массовых обращений деревенского населения северной Индии в ислам), но фактически эта группа лиц нового вероисповедания оставалась все той же кастой по своей функциональной направленности.

Картину трудности преодоления кастовых барьеров рисует и Оуэн М. Линч в своей статье о положении неприкасаемых, которая написана на материале города Агры. Он приводит высказывание индийского историка и этнографа М. Н. Шриниваса: «Каста является институтом необыкновенной силы, и ее придется долго бить, прежде чем она испустит дух. Первый урок, который следует извлечь из этого, — нельзя недооценивать силу вашего „врага“».

Линч отправляется в своих социологических исследованиях касты от положения, выдвинутого в 1957 г. американским социологом Робертом К. Мертоном. Оно вкратце сводится к тому, что поведение каждого индивида как члена определенной группы определяется соотношением данной группы с какой-либо другой группой. Развивая эту мысль, Линч выделяет три типа таких соотношений:

а) «группа подражания», которая служит образцом;

б) «группа уподобления», с которой стремятся слиться или полностью ей уподобиться;

в) «группа негативного соотношения», на действия которой члены данной группы должны ориентировать свое поведение, видя в ней враждебное, оппозиционное начало.

Эту схему автор накладывает на касту, называемую *джатав*, которая относится к числу зарегистрированных (т. е. бывших неприкасаемых) каст. В г. Агре члены этой касты составляют около $\frac{1}{6}$ населения и заселяют несколько кварталов. Их традиционным занятием является кожевенное дело, что помогло многим из них разбогатеть на производстве обуви и стать в XX в. предпринимателями, занятыми даже в экспорте обуви и кожаных изделий. Социальное положение всей касты в целом в городе стало фактически гораздо более высоким, чем то, которое предписывает традиция, и особенно заметно изменилось положение зажиточных членов касты. Статус неприкасаемых превратился в тяжкие узы, мешающие развитию их производственных связей и повышению уровня образования, в чем они теперь остро нуждаются. В среде касты начали возникать организации, ставившие перед собой задачу преодоления кастового барьера: «Великий союз джатавов», «Лига молодежи джатавов» и др. Они стали пропагандировать мысль о том, что джатавы являются одной из каст воинов-кшатриев и что им в соответствии с этим должны быть предоставлены широкие гражданские права.

Автор статьи, пользуясь схемой трех типов соотношений, пишет, что группой, которой джатавы начали подражать, было общество Арья-самадж, предписывавшее своим членам древний ведический образ жизни и, соответственно, соблюдение ряда обычаев и ритуалов, связанных с принадлежностью к арьям — создателям и носителям ведической культуры. «Группой уподобления» джатавы избрали воинское сословие кшатриев, а «группой негативного соотношения» выступали брахманы, которые возражали против причисления неприкасаемых-кожевников к высокому воинскому сословию «дважды рожденных»-кшатриев.

Несмотря на то, что вся эта схема в целом может оспариваться и носит условный характер, автор провел интересное исследование и осветил те стороны жизни джатавов, которые могут послужить наглядным примером социальных изменений, наступивших в жизни низких каст в эпоху развития капитализма в Индии. Он показал также те пути, по которым многие из них пошли в поисках улучшения своих жизненных условий и в борьбе за свои гражданские права.

Значительный интерес представляет статья М. Л. Паттерсона «Истории семей чхатван-брахманов: источники для изучения социальной структуры и социальных изменений в Махараштре». Она иллюстрирует процесс возникновения некоторых кастовых организаций и раскрывает те цели, которые они ставят перед собой для утверждения устоев касты и ее прав.

В среде высоких каст кастовые организации возникают иногда с целью найти доказательства того высокого социального положения, которое они занимают. Это вызывается необходимостью укрепить свои позиции в современных условиях, когда их права конституционно приравниваются к правам других каст, и члены этих других каст ведут активную борьбу за претворение в жизнь привилегий, предоставляемых им

конституцией. В ряде случаев эта борьба началась еще в те времена, когда в данной местности или в данной этнической среде формировались касты и возникали острые противоречия между ними, не угасавшие в течение многих столетий. Порой же — и довольно часто — в Индии межкастовая вражда разгоралась в связи с переселением представителей какой-либо касты в новую местность. В этих случаях причиной вражды была, как правило, конкуренция, вызванная стремлением сохранить или занять выгодные должности, сохранить или приобрести влияние на правителей, сохранить или захватить приоритет в получении образования и в его распространении. Именно этим было вызвано враждебное отношение значительной части маратхского населения собственно Махараштры (т. е. тех внутренних ее районов, которые расположены за первой грядой гор Западные Гхаты и носят традиционное название Деш, что буквально значит «страна», а маратхами понимается как «наша страна») к пришедшим с Конканского побережья чхатпан-брахманам или брахманам-конкани (или конканаста-брахманам, называемым так в отличие от дешаста-брахманов, т. е. «местных брахманов»).

Только между 1914 и 1963 гг. конканаста-брахманы опубликовали 64 исторических описания жизни отдельных семейных групп своей касты. Они добились у правительственных органов разрешения пользоваться архивными материалами, содержащими данные о деятельности таких представителей их касты, как пешвы, которые были с начала XVIII в. министрами при маратхских правителях, а затем сами стали правителями Махараштры.

Для получения и освоения этих материалов и опубликования семейных хроник была создана в 1938 г. организация Кула-вриттанта сангха, т. е. Союз (по написанию) истории семей.

В течение двух с половиной столетий в руках конканаста-брахманов были сосредоточены почти все высокие политические, военные и гражданские должности; из их числа выходили почти все преподаватели средних и высших учебных заведений, а равно и студенты..

Паттерсон пишет, что авторы семейных хроник сопоставляют стремление к их написанию с такой же волной создания историй отдельных семей в странах Запада, главным образом в Америке. Для верного отражения современного положения членов касты ее историки и руководители проводят сбор сведений путем распространения вопросов через газеты, личных опросов и выборки данных, публикуемых в тех или иных органах печати. Собираются все сведения, которые говорят о коренном отличии семей (кула) конканаста-брахманов от других брахманских и небрахманских семей, включая данные о семейных богах, занятиях, способах заключения брака и т. п.

Автор подчеркивает, что материал, содержащийся в этих семейных хрониках, очень полезен для социологов. Эти сведения показывают, в частности, что некоторые из конканаста-брахманов, стремясь избежать неприязненного отношения со стороны членов других каст, предпочитают сейчас не занимать ведущих должностей на государственной службе, а уделяют больше внимания предпринимательской деятельности, становятся помещиками и т. п. Отмечаются также — главным образом в среде интеллигенции — случаи браков членов этой касты с членами высоких каст местного происхождения.

Среди статей, посвященных описанию современной большой, или объединенной, семьи, наиболее велика по объему работа Полины М. Коленды. Эта статья занимает 54 страницы печатного текста, но, несмотря на столь значительный размер и на разнообразие содержащихся в ней материалов, она не дает читателю возможности прийти к каким-либо определенным выводам о процессах, протекающих сейчас в больших семьях. Автор широко использует материалы многих исследователей, занимавшихся этой актуальной проблемой, привлекает большое количество статистических данных, но дает их в отрыве от этнических групп индийского населения, не прослеживая последовательных изменений, наступающих у того или другого народа в его разных социальных слоях. Поэтому невозможно обобщить материал статьи с точки зрения современной этносоциологии. Содержащимися здесь данными можно пользоваться только выборочно, привлекая те или иные из них по мере необходимости, возникающей в процессе изучения данного вопроса.

Более ценную и систематизированную информацию содержит статья М. Сингера, который делает попытку выявить соотношение кастовой принадлежности людей с их современными занятиями и старается установить степень влияния того и другого фактора на тип семьи. Сознательно ограничивая круг своих исследований группой крупных промышленных предпринимателей Мадраса, автор показывает их внутрикастовые и межкастовые связи, рост в их среде западной образованности и ее влияние на стиль жизни семьи. Материалы статьи свидетельствуют, что, несмотря на ряд таких изменений, как упрощение и сокращение длительности ритуальных церемоний, связанных с проведением свадеб, рост образования, использование современных видов транспорта и домов нового типа, все же во многом сохраняются институты большой семьи, и даже когда молодые живут отдельно, крепчайшие узы семейных традиционных отношений связывают их с основной семейной группой.

Книга представляет большой интерес для этнографов и социологов, занимающихся Индией, и содержит много нового и нужного материала. Можно выразить сожаление, что в ней нет иллюстраций, которые помогли бы более наглядному усвоению этого материала.

Н. Р. Гусева